

Евгения ОРЕХОВА

Родилась в Нижнем Новгороде. Выпускница филологического факультета Нижегородского педуниверситета им. М. Горького. Корректор, редактор.

Автор книги стихов «Писания-искания». Публиковалась в ряде российских периодических изданий, сборников и альманахов («Нижний Новгород», «Российский литератор», «Арина», «Студия НН» и другие.). Один из составителей альманаха «Среда поэта» № 14–16 (Нижний Новгород).

Живет в Нижнем Новгороде.

МЕХАНИЗМ НЕОБРАТИМЫХ ИЗМЕНЕНИЙ, или Первый поцелуй

– У тебя клубничные, самые вкусные губы, – уверял ломаным басом Мишка, завсегдаятай хирургического отделения детской областной больницы.

Адресованы эти комплименты были веселой, немного неуклюжей санитарке-студентке, третий месяц подрабатывавшей в отделении на каникулах. Денег дома было мало. Мать-одиночка постоянно брала дополнительную работу, и Машка тоже искала после школы подработку, где только могла. Вот подружки позвали в больницу санитарить. Выматывалась сперва до предела на суточных дежурствах, но потом попривыкла. Правда, засыпала постоянно в автобусе по дороге домой, так что пару раз проехала остановку.

«Механизм необратимых изменений запущен. Твоя смерть наступит через три часа», – на прошлой неделе в полночь услышал он во сне и заорал что было сил, перебудив всех в палате.

Машка еще не спала, устроилась отдохнуть в соседней пустой палате на высокой хирургической койке и читала Кафку. Недавно был экзамен, и ей досталось «Превращение». Обычно Машке везло с билетами, и она, долго готовясь в аудитории к ответу, умело рисовала схему монолога-ответа с датами, именами и приблизительными сюжетными ходами. Иногда доставала заныканную в платке шпору с датами, которые никогда не укладывались в памяти как надо. В платок убиралось довольно много маленьких прямоугольничков со шпорами. Зрение у Машки было отличное, и она писала на бумажке едва заметными значками карандашом, издали даже не разберешь, есть ли что там...

Укромных платочков было не больше пяти: в джинсах, пиджаке и кармашке рубашки. Именно этот набор надевался на экзамены. Главное было запомнить, какие авторы лежали в каком платочке, а какой платочек – в каком кармане. Сделать же вид, что чихнула, и достать платок в случае необходимости артистичная рыжая Машка всегда умела.

Шпаргалки были ее способом успокоить себя на экзамене и одновременно систематизировать знания в короткие шифрованные записочки с фактами.

В билете стояло: «Художественные особенности модернизма в творчестве Франца Кафки».

Кафка был в конце списка билетов, и ей не удалось прочитать саму книгу. Четыре десятка книг дома стояли стопками на полу у ее дивана. В левой – прочитанные, но среди них еще не было «Превращения». Пришлось отвечать только по краткому описанию из учебника да применять крутой студенческий прием пускания воображаемых цветных пузырей в преподавателя. Кто-то сказал ей, что это помогает расположить к себе. Вот представляешь себе светло-сиреневый шар размером с маленький мяч и пускаешь его по воздуху до стола экзаменатора. В качестве подарка. Радости. Или просто дружелюбия. Пяти-шести разноцветных шаров обычно хватало, чтобы преподаватель улыбнулся. А может, они просто удивлялись напряженному взгляду студентки? Не суть.

– Как говорит один из корифеев нашей кафедры, на пенсии прочитаете, – о чем-то вздохнув, проворчал экзаменатор на ответ по Кафке и добавил: – В следующем семестре у вас буду вести практику литературоведения. Так уж потрудитесь прочитать пораньше пенсии. Память у меня хорошая, не премину побеседовать.

Улыбнувшись в усы, он поставил в зачетку «хор.» и вернул Машке, не забыв перед тем пролистать предыдущие семестры. «Первый год работаешь на зачетку ты, а потом она на тебя», – вспомнились зубрилке Машке слова разоткровенничавшегося пятикурсника на новогодней вечеринке. И его рассказ, как он однажды на экзамене спустился под предлогом «выйти в туалет» в библиотеку, взял учебник и спокойно прочитал ответ на свой билет. Тогда он в первый раз и получил «отл.» на экзамене.

– Главное, – кричал тогда подвыпивший похвальбишка, – это не терять силы духа и быть предприимчивым!

Вот и читала теперь она ночами на суточных дежурствах зарубежку из правой стопки недочитанных книг, чтобы больше не позориться. Днем Машке было некогда – драила полы и палаты после выписавшихся, снимала белье, стелила новое (больница детская, многие не умеют, да и с травмами), водила на процедуры, помогала на раздаче на кухне, развозила еду лежачим. И только после отбоя, отчистив туалеты и выбросив мусор в далекий контейнер на улице, до которого идти минут двадцать по почти темным после десяти больничным коридорам, она искала свободное место в палате или – о чудо! – пустую палату, чтобы полежать и, если удастся, почитать. Книжка была всегда при ней.

Услышав Мишкины крики, санитарка бросилась в его палату. Успокоив соседей парня, она присела у кровати:

– Что ты? Болит?

– Да нет, чешется изнутри, – отшутился он. – Да приснилась какая-то хрень. Представляешь? «Механизм необратимых изменений

запущен. Твоя смерть наступит через три часа», – как из ужастика какого! Голоса в голове. На днях старшая медсестра уходила, и мы в столовой смотрели после отбоя страшилки про инопланетян. Не спится...

Три года разделяли их по возрасту, но он чувствовал себя гораздо взрослее наивной девятнадцатилетней Машки.

Недавно ему меняли спицы и механизм в растущей ноге. Каждый год врач встречала его в приемном покое, осматривала и назначала либо терапию, либо хирургию, как сейчас. Вела она его семь лет и умудрялась не отдавать во взрослую больницу под предлогом многолетнего ведения пациента. Пока получалось.

Щуплого Мишку привезли из Воротынского района со сложным, запущенным переломом зимой. Переломанный пацан изо всех сил не ревел. Оказалось, катался с горы и съехал под колеса соседа-алкаша, гнавшего в магазин к привозу беленькой.

Раскатали горку в том году аж до трассы, так как морозило и детям в школу разрешили не ходить. С утра ждали по радио этого разрешения – и на горку, где этот холод никто не замечал. Было даже жарко. И вся сельская ребятня каталась кто на чем. Мишка на линолеуме. Скользил тот отменно. Мишка даже в дырку линолеума продел веревку и держался.

На той горе три года назад погибли двое ребят, но ребятня плохое помнила недолго и все равно каталась, так как спуск был очень удобным, длинным, с поворотом, а машин в селе почти не было, ездили мало, особенно зимой, когда совхоз простаивал.

Мишка рос, спицы регулярно меняли – растягивали плохо растущую ногу. Футболистом ему, конечно, уже не быть, но хотя бы ходить ровно...

В принципе, Мишка был доволен своей жизнью. Родители трудились в совхозе. Мамка дояркой, батя на тракторе. Учиться бегал он в соседнее село за три километра. Зимой – на лыжах. И еще, он привык к боли и делал теперь все обстоятельно, не торопясь.

Так обстоятельно он и поцеловал Машку в пустой палате, где та отдыхала на дежурстве. Поскольку не спалось, пошли поболтать туда, чтобы не мешать остальным. Он заглядывал в глаза, гладил рыжие косы. Оба были еще вполне себе наивными поцелуйщиками. Обнимались и болтали обо всем на свете. Мишка в своем селе всю библиотеку прочитал и почти не уступал Машке в начитанности, только подбор книг был не таким обширным, как на филфаке. Времени же читать у него было достаточно, особенно зимой, когда не помогал по мере сил в совхозе.

Познакомились они на обеде, Мишке с аппаратом Илизарова было неудобно приносить себе еду с раздатка. Так-то он на костылях прыгал сносно, но с тарелкой с супом не попрыгаешь.

Она помогла, улыбнулась, пошутила:

– Ничего себе ты робот! Ну, приятного аппетита!

Теперь вот болтают до утра. И это ничего, что послезавтра у нее последний рабочий день в отделении, что скоро сентябрь и «картошка», да и ему скоро домой. Судьба свела эти две непростые линии жизни ненадолго, на неделю, чтобы они обогрели друг друга, поняли, что ближнему бывает гораздо хуже, чем тебе, чтобы научились сочувствовать и светло любить. И целоваться.